

Мемуары папы Муми-тролля

Автор:

[Тове Янссон](#)

Мемуары папы Муми-тролля

Тове Марика Янссон

Муми-тролли #4Муми-троль и все-все-все (Азбука-Аттикус)

Знаменитая детская писательница Тове Янссон придумала муми-троллей и их друзей, которые стали известны на весь мир. Не отказывайте себе в удовольствии – загляните в гостеприимную Долину муми-троллей.

Лежать в постели с кашлем и высокой температурой – занятие не самое приятное. В особенности летом. Муми-папе не повезло: как-то раз в самый разгар жаркого лета он умудрился подхватить сильную простуду. Зато у него появилась отличная возможность написать книгу воспоминаний о своей молодости – мемуары. Чего только не было в этих мемуарах – и дом подкидышей муми-троллей, и коллекция пуговиц, и путешествие на пароходе «Морской оркестр», и героическое спасение утопающих... Обо всём этом Муми-папа поведал с присущими ему мастерством, изяществом и, разумеется, скромностью.

Тове Янссон

Мемуары папы Муми-тролля

Tove Jansson

MUMINPAPPANS MEMOARER

Copyright © Tove Jansson 1950; 1968

Schildts Förlägs AB, Finland.

All rights reserved

© Л. Брауде (наследники), перевод глав 1-4, 2016

© Н. Белякова, перевод глав 5-8, 1998

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Однажды, когда Муми-тролль был совсем маленький, его папа в самый разгар жаркого лета умудрился простудиться. Папа не пожелал пить горячее молоко с луком и сахаром, он не захотел даже лечь в постель. Сидя в саду на качелях, он без конца сморкался и говорил, что у него просто ужасные сигары. По всей лужайке были разбросаны папины носовые платки, которые мама Муми-тролля уносила в маленькой корзиночке.

Когда насморк стал еще сильнее, папа перебрался на веранду и, устроившись в кресле-качалке, закрылся по уши одеялами. Мама принесла ему большой стакан яичного ликера с ромом, но – увы! – слишком поздно. Ром оказался таким же невкусным, как молоко с луком, и тогда, совсем отчаявшись, папа отправился в северную мансарду и лег в кровать. Он никогда раньше не болел и теперь был очень встревожен.

А когда у папы заболело еще и горло, он велел маме позвать Муми-тролля, Снусмумрика и Сниффа. Они обступили папину кровать, и Муми-папа обратился к ним с речью: пусть, мол, никогда не забывают, что на их долю выпало жить вместе с ним – с настоящим искателем приключений. Под конец папа так охрип, что, когда он попросил Сниффа принести трамвайчик из пенки[1 - Легкий огнестойкий материал.], стоявший на комод в гостиной, никто не мог понять, чего он хочет.

Все стали наперебой утешать папу, закутали его в одеяла и, оставив ему леденцы, аспирин и увлекательные книжки, вышли на солнышко.

А папа посердился-посердился да и заснул. Когда уже под вечер он проснулся, горло болело чуточку меньше, но папа все еще был не в духе. Он позвонил в колокольчик, стоявший на тумбочке возле кровати, и мама тут же поднялась по лестнице в мансарду и спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

– Скверно, – ответил папа. – Но это не имеет значения. Сейчас гораздо важнее поговорить о моем трамвайчике из пенки.

– Это тот трамвайчик, который украшает нашу гостиную? – удивилась мама. – А что с ним такое?

Папа приподнялся и сел в кровати.

– Ты и в самом деле не знаешь, чем был для меня в дни молодости этот трамвайчик?

– Наверно, ты выиграл его в лотерею или что-нибудь в этом роде, – сказала Муми-мама.

Папа чихнул и, покачав головой, со вздохом заметил:

– Так я и думал. А что, если бы нынче утром я умер от простуды?! Ведь никто из вас и понятия не имеет об истории этого трамвайчика. Точно так же, как, возможно, о многих других важных вещах. Ведь я рассказывал вам о своей молодости, но вы, конечно, все забыли.

– Может быть, какие-то мелкие подробности я и забыла, – призналась мама. – Ведь память постепенно слабеет... Хочешь пообедать? Сегодня фруктовый суп и желе.

– Ужас! – мрачно изрек папа и, повернувшись к стене, сильно закашлялся.

Мама Муми-тролля поглядела на мужа и вдруг сказала:

– Знаешь, я сегодня убирала на чердаке и нашла толстую тетрадь. Что, если тебе написать книгу о своей молодости?

В ответ папа перестал кашлять.

– Это было бы очень кстати, пока ты простужен и не можешь выходить из дома, – продолжала мама. – Когда пишут о своей жизни, это, кажется, называется мемауры или что-то в этом роде?

– Не мемауры, а мемуары! – буркнул папа.

– А потом ты бы читал нам вслух то, что написал, – продолжала уговаривать его мама. – Например, после завтрака или после обеда.

– Так быстро книгу не напишешь, – проворчал папа и высунулся из-под одеяла. – Не думай, что это так просто: взял и написал. Я не стану читать ни слова, пока не закончу целую главу. И сначала прочитаю только тебе, а потом уж всем остальным.

- Да, пожалуй, ты прав, – согласилась мама и пошла на чердак за тетрадью.

- Как папа? – спросил Муми-тролль.

- Получше, – ответила мама. – А теперь, малыши, не шумите, потому что с сегодняшнего дня папа начинает писать мемуары.

Предисловие

Я, папа Муми-тролля, сижу в этот вечер у окна и вижу, как на темном бархате мглы светлячки вышивают таинственные знаки. Эти быстротающие завитки – следы короткой, но счастливой жизни

Отец семейства и хозяин дома, я с грустью оглядываюсь назад, на свою бурную молодость, которую собираюсь описать, и перо мемуариста нерешительно дрожит в моей лапе.

Однако же я успокаиваю себя мудрыми и утешительными словами, которые прочитал в мемуарах еще одной значительной личности и которые здесь воспроизвожу: «Каждому, к какому бы сословию он ни принадлежал, свершившему в жизни славное деяние или то, что воистину может почитаться таковым, до «лжно, ежели он привержен истине и добру, собственноручно описать свою жизнь. Хотя и не следует браться за это прекрасное дело, пока не достигнешь сорокалетнего возраста».

Мне кажется, я свершил немало славных дел, а еще больше таковых, кои представляются мне славными. И я в достаточной мере добр, привержен истине, если она не слишком нудная (а сколько мне лет, я забыл).

Да, так вот, я уступил настояниям моего семейства и собственному искушению рассказать о самом себе. И охотно сознаюсь в том, что считаю заманчивым, если меня станут читать во всей Долине муми-троллей!

И да послужат мои непритязательные заметки уроком и утешением всем муми-троллям, и в особенности моему сыну. Моя некогда прекрасная память, разумеется, чуточку притупилась. Но, за исключением отдельных небольших преувеличений и ошибок, которые наверняка только усилят местный колорит и живость изложения, жизнеописание мое будет вполне соответствовать действительности.

Уважая чувства всех ныне здравствующих лиц, я иногда заменял, к примеру, филифьюнок хемулями, а гафс – ежихами и так далее; но догадливый читатель во всяком случае поймет, как было на самом деле.

Кроме того, он поймет, что Юксаре – это таинственный папа Снусмумрика, и, без сомнения, согласится с тем, что Снифф ведет свой род от зверька по имени Шнырёк.

Ты же, малое, неразумное дитя, что видишь в отце своем достойную и серьезную особу, прочитай историю приключений трех отцов и задумайся над тем, что один папа не слишком отличается (по крайней мере не отличался в молодые годы) от другого.

Ради себя самого, своей эпохи и своих потомков я обязан описать нашу удивительную юность, такую богатую приключениями. И думаю, что многие, читая мои мемуары, задумчиво поднимут мордочку и воскликнут:

– Каков этот муми-тролль, а!

Или:

– Вот это жизнь! (Ужас, какой важной персоной я себя ощущаю[2 - Если вы теперь всерьез приступите к чтению моих мемуаров, я предложил бы, чтобы вы снова все начали с самого начала.].)

Под конец я хочу горячо поблагодарить всех тех, кто в свое время споспешествовал тому, что жизнь моя стала, безусловно, произведением искусства. И прежде всего Фредриксона, хатифнаттов и мою жену, единственную в своем роде маму Муми-тролля.

Муми-дален.[3 - То же, что и Долина муми-троллей.]

Автор

Первая глава,

в которой я рассказываю о своем детстве, когда меня никто не понимал, о первом Приключении своей жизни и о потрясшей меня ночи бегства, а также описываю историческую встречу с Фредриксоном

Это было давным-давно. Однажды, скучным и ветреным августовским вечером на крыльце дома подкидышей муми-троллей была обнаружена обыкновенная хозяйственная сумка. В сумке, довольно небрежно завернутый в газетную бумагу, лежал не кто иной, как я сам.

Насколько романтичней было бы, например, выстлать мхом маленькую хорошенькую корзиночку и положить меня туда!

Между тем Хемулиха, основавшая этот дом подкидышей, интересовалась астрологией (для домашнего употребления) и, что было вполне разумно с ее стороны, обратила внимание на звезды, ознаменовавшие мое появление на этот свет. Они указывали на рождение совершенно незаурядного и высокоодаренного муми-тролля. Хемулиха, разумеется, тут же забеспокоилась, что хлопот со мной не оберешься (ведь в обыденной жизни от гениев – одни неприятности, но сам я, по крайней мере, от этого никаких неудобств не испытывал).

Удивительное дело – расположение звезд! Родись я на несколько часов раньше, я бы мог стать заядлым игроком в покер, а все те, кто родился на двадцать минут позже, почувствовали бы настоятельную необходимость вступить в Добровольный оркестр хемулей (папы и мамы должны быть очень осторожны, производя на свет детей, и я рекомендую каждому и каждой из них сделать

предварительные и самые точные расчеты).

Одним словом, когда меня вынули из сумки, я трижды чихнул совершенно определенным образом. Уже одно это могло кое-что да значить!

Хемулиха, приложив печать к моему хвосту, заклеила меня магическим числом «тринадцать», поскольку до того у нее в доме уже обитало двенадцать подкидышей. Все они были одинаково серьезные, послушные и аккуратные, потому что Хемулиха, к сожалению, чаще мыла их, нежели прижимала к сердцу (солидной ее натуре недоставало некоторой тонкости чувств).

Дорогие читатели!

Представьте себе дом муми-троллей, где все комнаты одинаково квадратные, выкрашенные в один-единственный коричневато-пивной цвет, и расположены все в строгом порядке: одна за другой! Вы говорите: не может быть! Вы утверждаете, что дом муми-троллей должен быть полон удивительнейших уголков и потайных комнат, лестниц, балкончиков и башен! Вы правы. Но только не дом подкидышей! Более того, в этом доме никому нельзя было вставать ночью, чтобы поесть, поболтать или прогуляться! Даже выйти по малой нужде было не так-то просто.

Мне нельзя было приносить с собой в дом маленьких зверюшек и держать их под кроватью! Я должен был есть и умываться в одно и то же время, а здороваясь, держать хвост под углом в сорок пять градусов. О, разве можно говорить об этом без слез?!

Часто я останавливался перед маленьким зеркалом в прихожей и, обхватив мордочку лапками, глубоко заглядывал в собственные печальные голубые глазки, в которых пытался прочесть тайну своей жизни, и, вздыхая, произносил: «Один как перст.

О жестокий мир! О жалкий жребий мой!» И повторял эти горестные слова до тех пор, пока мне не становилось чуточку легче.

Я был одинок, как это часто бывает с муми-троллями, наделенными своеобразными дарованиями. Никто меня не понимал, а сам себя я понимал еще меньше. Разумеется, я сразу заметил разницу между собой и другими муми-троллями. Разница эта состояла главным образом в их жалкой неспособности удивляться и изумляться.

Я же мог, например, спросить Хемулиху, почему все на свете так, как есть, а не иначе.

– Хорошенькая была бы тогда картинка, – отвечала мне Хемулиха. – А разве так, как сейчас, плохо?

Она никогда не давала мне вразумительных объяснений, и я все больше и больше убеждался в том, что ей попросту хотелось отвязаться от меня. Хемули никогда не задают вопросов: что? где? кто? как? Я же мог спросить Хемулиху:

– Почему я – это я, а не кто-нибудь другой?

– То, что ты – это ты, – несчастье для нас обоих! Ты умывался? – так обычно отвечала она на мои важные вопросы.

Но я продолжал:

– А почему вы, тетенька, – хемулиха, а не муми-троллиха?

– К счастью, и мама, и папа мои были хемулями, – отвечала она.

– А их папы и мамы? – не унимался я.

– Хемулями! – восклицала Хемулиха. – И их папы и мамы были хемулями, и папы и мамы этих хемулей – тоже хемулями и так далее и так далее!

А теперь иди и умойся, а то я уже нервничаю.

– Как ужасно! Неужели этим хемулям так никогда и конца не будет? – спрашивал я. – Ведь были же когда-нибудь самые первые папа с мамой?

– Это было так давно, что нечего этим интересоваться! – сердилась Хемулиха. – И собственно говоря, почему нам должен настать конец? (Смутное, но неотвязное предчувствие говорило мне, что цепочка пап и мам, имеющих отношение ко мне, была чем-то из ряда вон выходящим. Меня ничуть не удивило бы, если бы на моей пеленке была вышита королевская корона. Но – ах! – что можно прочитать на листе газетной бумаги?!)

Однажды ночью мне приснилось, что я поздоровался с Хемулихой неправильно, держа хвост под углом в семьдесят градусов. Я рассказал ей об этом и спросил, рассердилась она или нет?

– Сны – ерунда, – изрекла Хемулиха.

– Разве? – возразил я. – А может, тот муми-тролль, который мне приснился, и есть настоящий, а муми-тролль, который находится здесь, просто приснился вам, тетенька?

– К сожалению, нет! Ты существуешь, и еще как! – устало сказала Хемулиха. – Я с тобой не справляюсь! У меня от тебя голова болит! Что будет с тобой в этом мире, где все делается не по-хемульски!

– Я стану знаменитым, – серьезно объяснил я. – И среди прочих дел построю дом для маленьких подкидышей-хемулят. И все они будут есть бутерброды с патокой в кровати, а под кроватью будут держать скуссов и ужей.

– На это хемулята никогда не согласятся, – сказала Хемулиха.

Мне казалось, что она, к сожалению, права.

Так и проходило мое детство. Я только и делал, что молча удивлялся и постоянно повторял свои вопросы: что? где? кто? как? Хемулиха и ее послушные подкидыши упорно избегали меня, от моих «что», «где», «кто», «как», «когда» и «почему» им становилось явно не по себе. И я одиноко бродил вокруг дома Хемулихи по пустынному, безлесному побережью, размышляя то о паутине, то о звездах, то о малявках с загнутыми хвостиками, так и шнырявших кругом в лужах, а то и о ветре, который приносил отовсюду разные запахи (позднее я

узнал: одаренный муми-тролль всегда поражается самым простым вещам, но не видит ничего удивительного в том, что кажется странным обычному муми-троллю). Да, печальное то было время!

Но постепенно что-то изменилось во мне: я стал задумываться о форме моей собственной мордочки. Предоставив равнодушных Хемулиху и остальных муми-троллят их собственной судьбе, я начал все больше и больше думать о себе самом. И находил это занятие весьма увлекательным. Я перестал задавать вопросы. Зато я испытывал непреодолимое желание говорить о том, что я сам думал и чувствовал. Но – ах! – кроме меня, на свете не было никого, кому я был бы хоть сколько-нибудь интересен.

И вот пришла та самая весна, весна, такая важная для моего развития. Сначала я и думать не думал, что она пришла ради меня. Я слышал, как пищит, жужжит и бормочет, как пробуждается от зимней спячки все живое и торопится встретить весну. Я видел, как в разбитом по строгим законам симметрии огорожке Хемулихи растения набирали силу, а все, что пробивалось из земли, просто извивалось от нетерпения. А по ночам гудели свежие ветры. И пахло по-новому. Пахло переменами. Я прислушивался и принюхивался. Ноги мои болели от быстрого роста, но я по-прежнему не понимал, что все это происходило только ради меня.

Наконец однажды ветреным утром я почувствовал... да, я просто-напросто почувствовал, что вырос. Я пошел прямо вниз, к морю, которое Хемулиха терпеть не могла и поэтому строго-настрого запрещала ходить туда.

Там меня ожидало умопомрачительное открытие. Я впервые увидел самого себя во весь рост. Блестящая льдина была гораздо больше зеркала в прихожей дома Хемулихи, и в ней отражалось весеннее небо с плывущими по нему тучками и весь я. Наконец-то я мог разглядеть свою мордочку с маленькими, хорошенькими, стоящими торчком ушками и все свое крепкое, хорошо сложенное туловище – до самых лапок. Единственное, что меня, по правде говоря, немного разочаровало, – это лапки, создававшие впечатление беспомощности и какой-то детскости. «Но, – подумал я, – может, со временем это пройдет. Сила моя, вне всякого сомнения, – в голове. Что бы я ни делал, со мной никто не заскучает. И в глубину моей души никому не удастся заглянуть». Словно замороженный, разглядывал я свое отражение. И желая еще лучше рассмотреть себя, я растянулся животом на льду.

Но себя я так и не увидел. Подо мной была лишь зеленоватая, бездонная мгла, все глубже и глубже уходившая вниз. Там, в чуждом мне таинственном мире, отделенном от меня льдом, шевелились смутные тени. Они казались мне грозными и вместе с тем необычайно манили к себе. Голова у меня закружилась, и мне почудилось, что я падаю... вниз... вниз... к чуждым мне теням...

Это было ужасно, и я снова подумал: «Неужели мне никогда не выбраться наверх? Неужели только все вниз, вниз и вниз?»

Глубоко взволнованный, я поднялся и топнул по льду, желая проверить, выдержит ли он меня. Лед выдержал. Тогда я топнул сильнее – и лед не выдержал.

Я вдруг по уши окунулся в зеленоватое холодное море, и лишь лапки мои беспомощно повисли над бездонной и опасной мглой.

По весеннему же небу по-прежнему спокойно проплывали тучи.

А вдруг одна из этих грозных теней в воде съест меня? А может, она откусит одно мое ушко, принесет его к себе домой и скажет своим детям:

– Съешьте его побыстрее! Это ухо настоящего маленького муми-тролля. Такое лакомство не каждый день перепадает.

А может, волна с бешеной скоростью вынесет меня на сушу, и Хемулиха, увидев меня с одним лишь ушком, опутанным водорослями, заплачет, станет каяться и говорить всем своим знакомым:

– Ах! Это был такой необыкновенный муми-тролль! Жаль, что я этого вовремя не поняла...

В мыслях я успел уже добраться до собственных похорон, как вдруг почувствовал, что кто-то очень осторожно дергает меня за хвост. Каждый, у кого есть хвост, знает, как дорожишь этим редчайшим украшением и как мгновенно реагируешь, если хвосту угрожает опасность или какое-либо оскорбление. Я мигом очнулся от своих захватывающих мечтаний и преисполнился жаждой деятельности: я решительно выкарабкался на лед и перебрался на берег. И тут я сказал самому себе:

– Я пережил Приключение. Первое Приключение в моей жизни. Остаться у Хемулихи больше невозможно. Беру свою судьбу в собственные лапы!

Целый день меня знобило, но никто даже не спросил, что со мной. Это укрепило мое решение. Когда наступили сумерки, я разорвал свою простыню на длинные полосы и, связав их в одну веревку, укрепил веревку за рейку оконного переплета. Послушные подкидыши поглядывали на меня, но молчали, что меня сильно оскорбило. После вечернего чая я с величайшей добросовестностью составил свое прощальное письмо. Письмо было написано совсем просто, но в нем ощущалось глубокое внутреннее достоинство. Вот мое письмо:

«Дорогая Хемулиха!

Чувствую, что меня ожидают великие подвиги, а жизнь муми-тролля коротка. И потому я покидаю этот дом, прощайте, не печальтесь, я вернусь увенчанный славой!

P. S. Я забираю с собой банку тыквенного пюре.

Привет! Привет! Желаю вам всего доброго.

Муми-тролль, который не похож на других».

Итак, жребий брошен! Ведомый звездами своей судьбы, я отправился в путь, не подозревая об ожидавших меня удивительных событиях. Я был всего-навсего

юный муми-тролль, печально бредущий по вересковой пустоши и вздрагивающий всякий раз, когда ужасные звуки ночи нарушали тишину горных теснин и мое одиночество чувствовалось острее.

Дойдя в своих мемуарах до этих событий, папа Муми-тролля почувствовал, что воспоминания о несчастном детстве глубоко захватили его и он должен немного прийти в себя. Завинтив колпачок ручки, он подошел к окну. Над Муми-даленом царила полная тишина.

Один лишь ночной ветерок, прилетевший с севера, шелестел в саду, и веревочная лестница Муми-тролля качалась, словно маятник, у стены дома.

«Я бы и теперь мог сбежать, – подумал папа. – Не такой уж я и старый, о моем возрасте фактически и говорить нечего!»

Усмехнувшись, папа высунул в окно лапу и притянул к себе веревочную лестницу.

– Привет, папа! – произнес в соседнем окошке Муми-тролль. – Что ты делаешь?

– Зарядку, сын мой! – ответил папа. – Очень полезно! Шаг – вниз, два – вверх, шаг – вниз, два – вверх. Укрепляет мышцы.

– Только не свались! – предупредил Муми-тролль. – Как там твои мемуары?

– Прекрасно! – ответил папа и перебросил свои дрожащие ноги через подоконник. – В мемуарах я совсем недавно сбежал из дома подкидышей. Хемулиха плачет. Будет необыкновенно увлекательно.

– Когда ты прочитаешь нам свои мемуары? – спросил Муми-тролль.

– Скоро. Как только дойду до речного парохода, – сказал папа. – До чего весело читать вслух то, что сам написал!

– Ясное дело, – подтвердил, зевая, Муми-тролль. – Ну пока!

– Привет, привет! – отозвался папа и отвинтил колпачок ручки.

– Так. На чем я остановился... Ах да, я бежал, а утром... Нет, это позднее... Сначала я должен описать ночь бегства.

Всю ночь я брел по незнакомой, мрачной местности. Еще и теперь мне жаль себя! Я шел, не смея остановиться, не смея даже смотреть по сторонам. Кто знает, что может внезапно появиться во мраке! Я пытался петь утренний марш подкидышей: «Как не по-хемульски в этом мире...» Но голос мой дрожал так, словно хотел напугать меня еще больше. Ночь была непроглядная, туман, густой, как овсяный суп, которым кормила нас Хемулиха, напознал на пус-тошь, превращая кактусы и камни в бесформенные чудовища. Они надвигались на меня, простирали ко мне руки... О, как мне было жаль себя!

Даже неприятное общество Хемулихи на короткий миг показалось бы мне тогда утешением. Но вернуться назад – никогда! Да еще после такого великолепного прощального письма!

Наконец ночной мрак стал рассеиваться.

Всходило солнце. На моих глазах происходило нечто прекрасное. Туман зарделся, стал таким же розоватым, как вуаль воскресной шляпки Хемулихи. И мир вмиг преобразился, стал добрым и розово-багровым! Я застыл, наблюдая, как исчезает ночь; я совершенно забыл о ней, ведь наступило мое первое утро, мое личное, принадлежащее только мне утро!

Дорогой читатель!

Представь себе мою радость и торжество, когда я сорвал с хвоста ненавистную печать и забросил ее подальше в вереск! А потом этим холодным, светлым весенним утром, подняв торчком свои хорошенькие ушки и задрал мордочку, я исполнил новый танец, танец свободного муми-тролля.

Подумать только! Не надо больше умываться, не надо есть только потому, что уже пять часов! Нико-гда ни перед кем, кроме короля, не вилять хвостом и не ночевать больше в этой квадратной коричневато-пивного цвета комнате! Долой хемулей!

Солнце выкатилось на небосвод, лучи его заискрились в паутине и мокрой листве, и сквозь редящий туман я увидел Дорогу. Извиваясь по вересковой пустоши, она вела прямо в большой мир, в мою новую жизнь, которая, как я считал, станет необыкновенно знаменитой, не похожей ни на какую другую.

Я достал тыквенное пюре – единственное, что у меня было, – съел его, а банку выбросил. Делать мне было нечего, да и делать что-либо по-старому, когда вокруг все абсолютно новое, было невозможно. Мне никогда не жилось так прекрасно.

В таком приподнятом настроении я пребывал лишь до вечера. Надвигающиеся сумерки меня ничуть не беспокоили – так я был полон самим собой и своей свободой. Напевая собственного сочинения песню, все до одного слова которой были значительны, – к сожалению, теперь она позабылась, – я двинулся прямо в ночь.

Ветер, обдавая меня каким-то незнакомым приятным запахом, мчался мне навстречу и наполнял меня ожиданием. Я не знал тогда, что это запах леса, аромат мха и папоротников, аромат тысячи огромных деревьев. Вконец утомившись, я свернулся клубочком на земле и поджал под живот свои холодные лапки. Может, мне все-таки не стоит основывать дом подкидышей для хемулят? Ведь их подкидывают не так уж часто. И вообще, кем мне лучше стать: искателем приключений или знаменитостью? Наконец, после некоторых раздумий, я решил стать знаменитым искателем приключений.

И, засыпая, подумал: уже завтра утром!

Проснувшись, я обнаружил, что нахожусь в новом, совершенно незнакомом зеленом мире. Ну и удивился же я! Ведь прежде я не видел ни одного лесного дерева. Головокружительной высоты, прямые, точно копья, они горделиво поддерживали свои зеленые своды. Освещенная солнцем, тихо и легко шелестела листва, а вокруг с радостными криками носились птицы. Чтобы

собраться с мыслями, я немного постоял на голове, а потом громко закричал им:

- Доброе утро! Кто хозяин этих чудесных мест? Надеюсь, здесь нет хемулей?

- У нас нет времени! Мы играем! - отвечали птицы, ныряя головой вниз в густую листву.

И тогда я пошел прямо в лес. Земля, одетая мхом, была теплой и очень мягкой, а листья папоротника отбрасывали на нее глубокую тень. Целые полчища никогда прежде не виданных мной ползающих и летающих букашек окружали меня, однако они были слишком маленькими, чтобы говорить с ними о серьезных делах. Под конец я наткнулся на пожилую Ежиху, сидевшую в одиночестве и драившую ореховую скорлупу.

- Доброе утро! - поздоровался я. - Я одинокий беглец, рожденный при самом необыкновенном сочетании звезд.

- Вот как?! - не проявляя особого интереса к моей особе, ответила Ежиха. - Я работаю. Из скорлупки выйдет мисочка для простокваши.

- Да-а! - протянул я и вдруг почувствовал, что хочу есть. - Кто же хозяин этих чудных мест?

- Никто! Все! - ответила, пожимая плечами, Ежиха.

- И я тоже? - спросил я.

- Пожалуй, - пробормотала Ежиха, полируя свою будущую мисочку для простокваши.

- Но, фру Ежиха, вы точно уверены, что хозяйка этих мест не какая-нибудь хемулиха? - продолжая беспокоиться, спросил я.

- Кто это? Кто это такая? - спросила Ежиха.

Подумать только, счастливица никогда в жизни не видела хемулихи.

– У них ужасно большие ноги и никакого чувства юмора, – объяснил я. – У них огромные, чуть приплюснутые морды, а волосы растут беспорядочными кочьями. Хемулихи никогда не делают то, от чего бывает весело, а только то, что необходимо. И постоянно говорят вам о том, что бы они сами сделали, будь на вашем месте, и...

– О Боже! – воскликнула Ежиха и, попятившись, скрылась в зарослях папоротника.

«Ну и ладно, – слегка обидевшись, подумал я (ведь я мог значительно больше рассказать о хемулихах). – Раз у этих мест нет хозяина и они принадлежат всем, значит, и мне тоже. Что бы мне теперь такое предпринять?»

Идея, как это всегда со мной бывает, пришла внезапно. В голове у меня что-то щелкнуло! И все стало ясно. Если есть на свете муми-тролль и если есть свободные места, то совершенно точно: здесь будет Дом. Какая восхитительная мысль: дом, который я сам построю! Дом, хозяин которого – я один. Неподалеку я обнаружил и ручей, и зеленую полянку, казавшуюся очень подходящей для муми-тролля. В излучине ручья нашелся даже песчаный бережок.

Я взял щепку и стал чертить на песке свой будущий дом. Побольше уверенности! Я точно знал, каким должен быть дом муми-тролля: высоким, узким, украшенным множеством балкончиков, лестниц и башенок. На верхнем этаже я построил три маленьких комнатки и чулан для всяких штучек-дрючек, ну, сами знаете! Нижний же этаж целиком занимала большая шикарная гостиная. К ней я пристроил застекленную веранду, откуда мне предстояло, сидя в кресле-качалке, смотреть на бегущий мимо ручей. А на столике передо мной должен был стоять огромный стакан сока и рядом с ним возвышаться гора бутербродов. Перила веранды опирались на столбики с узором в виде сосновых шишек. Остроконечную крышу я украсил красивой деревянной луковицей и решил когда-нибудь в далеком будущем позолотить ее. Я долго размышлял над тем, как мне быть с традиционной печной дверцей, пережитком тех времен, когда все муми-тролли жили за печкой (пока кто-то не изобрел паровое отопление). В конце концов я решил отказаться от медной дверцы и вместо этого вывел большую печь в стенке гостиной.

Вообще весь дом благодаря печке казался каким-то необычайно уютным, а я был просто очарован моим собственным прекрасным произведением, поднимавшимся на рисунке с непостижимой быстротой. Должно быть, тут

проявились мои врожденные способности, а также талант, рассудительность и самокритичность. Но так как никогда не следует хвалить то, что создано тобою, я просто дал вам описание этого дома.

Внезапно мне стало холодно. Тень от папоротников росла, росла и мало-помалу накрыла весь лес; вечерело.

От усталости и голода у меня закружилась голова, и я только и думал о Ежихиной мисочке для простокваши. К тому же у нее дома могла случайно заваляться краска, которой можно будет позолотить купол в виде луковицы на крыше будущего дома муми-троллей, и, устало передвигая одеревеневшие ноги, я побрел по темнеющему лесу.

Ежиха мыла посуду.

– Подумать только! – воскликнула она при виде меня. – Он снова здесь! Только ни слова о хемулях!

Махнув лапкой, я ответил:

– Хемули, любезная фру, для меня теперь – ничто! Я построил дом! Скромный двухэтажный дом! Я очень счастлив, но очень устал, а прежде всего – ужасно голоден! Я привык есть в пять часов. И мне надо бы немного золотой краски для луковицы на...

– Вот оно что! Золотой краски! – с кислой миной перебила меня Ежиха. – Ты явился как раз, когда я мою посуду. Свежая простокваша еще не готова, а вчерашнюю я съела.

– Ну и ладно, – ответил я. – Одной мисочкой простокваши больше, одной меньше – не так уж важно для искателя приключений. Но я прошу вас, любезная фру, оставьте посуду и взгляните на мой новый дом!

Ежиха подозрительно посмотрела на меня, вздохнула и вытерла лапки полотенцем.

- Так и быть, - сказала она. - Придется потом снова воду подогревать. Где этот дом? Далеко отсюда?

Я пошел вперед, но всю дорогу от внезапно охватившего меня дурного предчувствия у меня дрожали ноги.

- Ну-у? - спросила Ежиха, когда мы приблизились к ручью.

- Любезная фру, - осторожно начал я, показывая на дом, который начертил на песке. - Вот таким я представляю его себе... Перила веранды опираются на столбики с узором в виде сосновых шишек. То есть, если вы, фру, одолжите мне лобзик...

Я был совершенно сбит с толку.

Дорогой читатель, вы поймете, я так вжился в мечту об этом доме, что уверился, будто он в самом деле уже построен! Это, конечно, свидетельствует о богатстве моей фантазии - необычайной особенности, которая в будущем отметит мою жизнь и жизнь моих близких.

Ежиха долго смотрела на меня; потом наконец что-то проворговала (к счастью, слов я не разобрал) и отправилась восвояси - дотирать посуду.

Я залез в ручей и, ни о чем не думая, побрел в прохладной воде. Ручей тек причудливо и неспешно, как обычно текут ручьи. Местами он был такой мелкий и прозрачный, что на дне его просматривался каждый камешек, а когда углублялся, становился темнее и спокойнее. Яркое багровое солнце стояло низко на горизонте, его лучи, просвечивавшие среди сосновых стволов, били мне прямо в глаза, и я, ослепленный, брел все дальше и дальше.

Наконец в голове у меня опять щелкнуло. Если бы я и в самом деле построил дом вот на этом красивом лужке, поросшем цветами, то весь лужок был бы испорчен, не так ли?

Дом следовало бы построить рядом, а рядом с лужком места для постройки не было, понятно?! И подумать только, что я стал бы домовладельцем! Разве домовладелец может быть одновременно искателем приключений?

«Не может!» – следовало бы мне сказать.

Дальше, подумать только! Если бы я на всю свою жизнь обзавелся такой соседкой, как Ежиха! Скорее всего, она из обширного ежового рода, который, видимо, такого же нрава, как и она сама! Стало быть, я избежал целых трех больших бед и должен испытывать чувство глубокого удовлетворения.

Теперь, задним числом, я рассматриваю постройку дома как свой первый большой жизненный Опыт, имевший величайшее значение для моего дальнейшего развития.

Одним словом, сохраняя свободу и самоуважение, я мог брести по ручью и дальше, но мысли мои были прерваны каким-то веселым коротеньким звуком. Посреди ручья стрекотало красивое водяное колесо, сделанное из колышков и лопастей. Я остановился в удивлении. И тут же услышал, как кто-то говорит:

– Это эксперимент. Счетчик оборотов.

Я приоткрыл глаза и увидел, что из черничника высовывается пара длинных-предлинных ушей.

– С кем имею честь? – спросил я.

– Фредриксон, – ответил обладатель длинных ушей. – А ты сам кто?

– Муми-тролль, – ответил я. – Беглец, рожденный при самом необыкновенном сочетании звезд.

– Каком-каком? – спросил Фредриксон с заметным интересом.

И я очень этому обрадовался, потому что впервые услышал разумный интеллигентный вопрос.

Я вылез из ручья и, сев рядом с Фредриксоном, стал рассказывать ему о всех знаках и предзнаменованиях, сопровождавших мое появление на свет. Он ни разу не прервал меня, слушая мой рассказ о красивой маленькой корзиночке и газетной бумаге, в которой якобы меня нашла Хемулиха, и о моем ужасном детстве в ее ужасном доме, где меня никто не понимал. И о Приключении на весеннем льду...

Поскольку в рассказе всегда надо сосредоточиваться на самом главном, историю с домом и Ежихой я опустил, зато подробно описал мое драматическое бегство и ужасное странствие по вересковой пустоши. А под конец объяснил Фредриксону, что решил стать искателем приключений.

Когда я умолк, Фредриксон, слушавший меня очень внимательно и изредка, в нужных местах, помахивавший ушами, долго думал и наконец сказал:

– Удивительно! До чего удивительно!

– Конечно! – с благодарностью произнес я.

– А хемули просто отвратительны, – заявил Фредриксон и, рассеянно вытащив из кармана пакет с бутербродами, отдал мне половину, пояснив: – Ветчина!

Потом мы с ним немного посидели, глядя, как заходит солнце.

За время моей долголетней дружбы с Фредриксоном я не раз удивлялся тому, как он может успокаивать и убеждать, не произнося сколько-нибудь значительных и громких слов. Хотя это может показаться странным, я все-таки намерен продолжить свой рассказ.

К моему вящему удовольствию, день кончился чудесно, и я рекомендую каждому, у кого беспокойно на душе, посмотреть на искусно сделанное водяное колесо, которое стрекочет посреди ручья.

Искусству изготовлять такие колеса я научил позднее моего сына Муми-тролля. (Это делается так: вырезают два маленьких колышка и втыкают их в песчаное дно ручья на некотором расстоянии друг от друга. Затем находят четыре длинных листа и протыкают их прутиком, чтобы они вместе составили что-то вроде звездочки. Эту несложную конструкцию укрепляют двумя тоненькими веточками. Под конец прутики с листочками осторожно кладут на распорки, и водяное колесо начинает вертеться.)

Когда в лесу совсем стемнело, мы с Фредриксоном вернулись на мой зеленый лужок и легли спать. Мы провели ночь на веранде моего дома, хотя Фредриксон об этом и не подозревал. Во всяком случае мне стало совершенно ясно, какой будет узор у столбиков перил (в виде сосновых шишек), я знал, как надо сконструировать лестницу, ведущую на верхний этаж. Я был уверен в том, что дом готов. И мне больше не надо было думать об этом.

Единственное же, что имело значение: я нашел своего первого друга и таким образом для меня началась настоящая жизнь.

Вторая глава,

где я ввожу в свои мемуары зверька по имени Шнырёк[4 - Маленький зверек, который шныряет, то есть необыкновенно торопливо и легкомысленно снует туда-сюда, опрокидывая и теряя по пути все, что можно. - Примеч. авт.] и Юксаре, представляю читателям дронта Эдварда и даю яркое описание речного парохода «Морской оркестр» и его несравненной команды

В то утро, проснувшись, я увидел, что Фредриксон закидывает в ручей сеть.

- Привет! - поздоровался я. - Здесь водится рыба?

- Нет! - ответил Фредриксон. - Это - подарок ко дню рождения.

Реплика была совершенно в духе Фредриксона. Он просто хотел сказать, что рыболовную сеть получил в подарок от племянника, который сам сплел ее и очень огорчился бы, если бы сеть не побывала в воде. Слово за слово, и я узнал, что племянника зовут Шнырёк и что родители его погибли во время генеральной уборки. Этот зверек жил теперь в банке из-под кофе, ну, той, что голубого цвета, и коллекционировал, главным образом, пуговицы. Рассказ Фредриксона не отнял много времени, а, впрочем, может, и отнял?! Но сам Фред-риксон никогда и не поведал бы больше за один раз.

Затем он поманил меня легким движением уха и повел в лес. Когда мы подошли к кофейной банке Шнырька, Фредриксон вытащил кедровый свисток с горошиной внутри и трижды свистнул. Крышка от банки моментально отскочила, оттуда выпрыгнул Шнырёк и кинулся к нам.

- Доброе утро! - с нескрываемой радостью закричал он. - Вот здорово! Как раз сегодня ты и собирался устроить мне большой сюрприз? Кто это с тобой? Какая честь для меня! Жаль, что я не успел еще прибраться в банке...

- Не смущайся! - сказал Фредриксон. - Это Муми-тролль.

- Здравствуйте! Добро пожаловать! - закричал Шнырёк. - Я сейчас... Извините, мне надо взять с собой кое-какие вещи...

Он исчез в своей банке, и мы услышали, как отчаянно он там роется. Через некоторое время Шнырек снова появился с фанерным ящичком под мышкой, и дальше мы пошли уже втроем.

- Племянник! - произнес вдруг Фредриксон. - Ты умеешь писать красками и рисовать?

- Еще бы! - воскликнул Шнырёк. - Однажды я нарисовал карточки всем моим кузинам! Каждой по карточке, с указанием места за праздничным столом. Может, и тебе надо нарисовать такую глянцевую шикарную карточку? Или

написать какие-нибудь изречения? Извини, но что именно тебе нужно? Это связано с твоим сюрпризом?

- Это тайна, - ответил Фредриксон.

Тут Шнырёк так разволновался, что начал подпрыгивать; шнурок, которым был завязан ящичек, развязался, и на поросшую мхом землю вывалилось все его имущество: медные спиральки, резиновая подвязка, сережки, двойные розетки, сушеные лягушки, ножи для сыра, окурки сигарет, масса пуговиц и среди прочего - открывалка для минеральной воды.

- У меня был такой хороший шнурок, но он потерялся! Извините! - пропищал Шнырёк.

- Ничего-ничего, - успокоил Шнырька Фредриксон, складывая все снова в ящичек.

Потом он вынул из кармана обрывок веревки, перевязал ящичек, и мы пошли дальше. Поглядев на уши Фредриксона, я понял, что он переполнен своей тайной и очень волнуется. Наконец мы остановились возле зарослей орешника, и Фредриксон, повернувшись, серьезно посмотрел на нас.

- Твой сюрприз там? - благоговейно прошептал Шнырёк.

Фредриксон кивнул. Мы торжественно пробрались сквозь заросли и очутились на поляне. Посреди поляны стоял пароход, большой пароход! Широкий и устойчивый, такой же надежный и крепкий, как сам Фредриксон.

Я ничего не знал о пароходe, но меня тут же охватило какое-то мгновенное, доселе мне не знакомое сильное чувство, можно сказать, возникла идея парохода; мое сердце - сердце искателя приключений - гулко забилося, и на меня повеяло дыханием свободы. Я представил, как Фредриксон мечтал об этом пароходe, мысленно видел, как он чертил его, как шел каждое утро на поляну, чтобы его построить.

Должно быть, он занимался этим уже давно, но никому об этом не рассказывал, даже Шнырьку, и, опечалившись, я чуть слышно спросил:

– Как ты назвал пароход?

– «Морской оркестр», – ответил Фредриксон. – Так назывался сборник стихотворений моего брата. Слова будут написаны небесно-голубой краской.

Брат Фредриксона

– И это можно сделать мне, да? – прошептал Шнырёк. – Это правда? Клянешься хвостом? Извини, а что, если я выкрашу весь пароход в красный цвет? Можно? Тебе это понравится?

Фредриксон кивнул, только предупредил, чтобы племянник не закрасил ватерлинию.

– У меня как раз есть большая банка красной краски! – радостно затараторил Шнырёк. Он так волновался, что у него дрожали усы. – И маленькая банка небесно-голубой!.. Какая удача! Вот здорово!

А сейчас мне надо домой, приготовить вам завтрак и прибраться в банке... – И он тут же исчез.

Я снова посмотрел на пароход и сказал Фредриксону:

– Какой ты молодец!

Тут Фредриксон разговорился. Он говорил очень много, и все больше о конструкции своего парохода. Потом вытащил бумагу и перо и стал показывать на чертеже, как будут работать колеса. Я не все понимал, но видел: Фредриксон чем-то огорчен. Кажется, у него что-то не ладилось с рулем.

Я очень ему сочувствовал, но полностью разделить его переживаний не мог, – ах, вопреки всему, есть несколько областей, где мой талант не проявлялся так, как этого хотелось бы. И одна из этих областей – машиноведение. Меня больше

заинтересовал маленький домик с остроконечной крышей, который поднимался в самом центре парохода.

– Ты живешь в этом домике? – спросил я. – Он похож на беседку для мумитроллей.

– Это навигационная каюта, – чуть недовольно заметил Фредриксон.

И я погрузился в свои мысли. Домик был слишком обыкновенный. На мой вкус, окна можно было сделать куда интересней. На капитанском мостике были бы уместны легкие поручни с выпиленными на них фигурками обитателей моря. А крышу надо было бы украсить деревянной луковицей, которую, пожалуй, можно было позолотить...

Я отворил дверь каюты. Кто-то лежал на полу и спал, прикрывшись шляпой.

– Это кто – ваш знакомый? – удивленно спросил я у Фредриксона.

Заглянув через мое плечо, Фредриксон сказал:

– Юксаре.

Я стал его рассматривать. Мягкий, странного, пожалуй, светло-каштанового цвета, Юксаре выглядел каким-то неопрятным. Шляпа на нем была очень старая, цветы, некогда украшавшие ее, давно завяли. Казалось, что Юксаре давно не умывался и даже не любил это делать.

Тут примчался Шнырёк и заорал:

– Кушать подано!

Юксаре проснулся от крика, потянулся, словно кот, и, зевнув, сказал:

– Хупп-хэфф!

– Позволь, а ты что делаешь на парходе Фред-риксона? – грозно спросил Шнырёк. – Разве ты не видел, что там написано «Вход запрещен»?

– Конечно, видел, – невозмутимо ответил Юксаре. – Вот поэтому-то я здесь.

В этом был весь Юксаре. Любая запрещающая что-то табличка, запертая дверь, даже просто стена тут же выводили его из сонливого состояния, в котором он находился. Стоило ему увидеть сторожа в парке, как усы его начинали дрожать, и тогда от него можно было ожидать самого неожиданного. А в промежутках он, как уже говорилось, спал, или ел, или мечтал. Сейчас Юксаре главным образом был настроен поест. Мы направились к банке Шнырька, где на выдавшей виды шахматной доске красовался остывший омлет.

– Утром я приготовил очень хороший пудинг, – стал объяснять Шнырёк. – Но, к сожалению, он исчез. А это так называемый «ленивый» омлет!

Омлет был подан на крышках от банок, и, пока мы его ели, Шнырёк выжидающе смотрел на нас. Фред-риксон жевал долго и старательно, и вид у него был довольно странный. Наконец он сказал:

– Племянник, мне попало что-то твердое!

– Твердое?! – удивился Шнырёк. – Должно быть, это из моей коллекции... Выплюнь! Выплюнь скорей!

Фредриксон выплюнул, и мы увидели на его крышке от банки два черных зубчатых предмета.

– Извини меня! – воскликнул его племянник. – Это всего-навсего мои шестеренки! Хорошо, что ты их не проглотил!

Но Фредриксон не отвечал. Сморщив лоб, он долго глядел вдаль. И тогда Шнырёк заплакал.

– Попробуй все же извинить своего племянника, – сказал Юксаре. – Видишь, как он расстроен.

– Извинить? – воскликнул Фредриксон. – За что же?!

Он тут же вытащил бумагу и перо и стал показывать нам, куда надо поместить шестеренки, чтобы заставить крутиться винт с лопастями и лопаточные колеса. (Надеюсь, вы понимаете, что начертил Фред-риксон.)

– Подумать только! – закричал Шнырёк. – Мои шестеренки пригодились для изобретения Фредриксона! Непостижимо!

Мы закончили обед в хорошем настроении.

Воодушевленный этим происшествием, племянник Фредриксона надел свой самый большой передник и тут же принялся красить «Морской оркестр» в красный цвет. Шнырёк так старался, что и пароход, и земля, и изрядная часть орешника стали красными. А такого перемазанного в красный цвет зверька, как Шнырёк, мне в жизни видеть не приходилось. Название же парохода было выведено небесно-голубой краской.

Когда все было готово, Фредриксон пришел взглянуть на работу племянника.

– Ну как, красиво? – взволнованно воскликнул Шнырёк. – Я очень старался. Я вложил всю свою душу, всего себя в эту работу.

– Оно и видно, – буркнул Фредриксон, поглядев на перепачканного с головы до ног племянника. Он посмотрел также на криво начерченную ватерлинию и хмыкнул: – Хм!

Затем, взглянув на название парохода, снова хмыкнул:

– Хм! Хм!

– Я неправильно написал? – забеспокоился Шнырёк. – Скажи что-нибудь, а не то я снова заплачу! Извини! «Морской оркестр» – такие трудные слова!

– «М-о-р-з-с-к-о-й а-р-к-е-с-т-р», – прочитал вслух Фредриксон и, еще немного подумав, сказал: – Успокойся. Сойдет.

Шнырёк вздохнул с облегчением и остатками краски докрасил кофейную банку.

А вечером Фредриксон пошел проверять сеть в ручье. Представьте себе наше удивление, когда мы обнаружили в сети маленький нактоуз[5 - Ящик со стеклянной крышкой для компаса, стоящий на палубе корабля.], а в нем – aneroid[6 - Металлический барометр, измеряющий атмосферное давление.]. Я никогда не переставал удивляться нашим поразительным находкам.

Папа закрыл тетрадь и выжидающе взглянул на своих слушателей.

– Ну как, нравится? – спросил он.

– По-моему, это будет необыкновенно интересная книга, – серьезно сказал Мумитроль.

Он лежал на спине в сиреневой беседке и смотрел на пчел; было тепло, стояло полное безветрие.

– Но кое-что ты, наверно, выдумал, – заметил Снифф.

– Нет! – воскликнул Муми-папа. – В те времена и в самом деле случались такие вещи! Каждое мое слово – правда! Возможно, только кое-где чуточку преувеличено...

– Любопытно знать, – сказал Снифф. – Любопытно знать, куда подевалась папина коллекция?!

– Какая коллекция? – спросил Муми-папа.

– Коллекция пуговиц моего отца, – повторил Снифф. – Ведь Шнырёк – мой папа.

– Да, – подтвердил Муми-папа.

– Тогда любопытно знать, куда девалась его драгоценная коллекция? Я ведь должен был получить ее в наследство, – подчеркнул Снифф.

– Хупп-хэфф – как говорил мой отец, – сказал Снусмумрик. – Кстати, почему ты так мало пишешь о Юксаре? Где он сейчас?

– Об отцах никогда ничего точно не знаешь, – сделал какой-то неопределенный жест, объяснил Муми-папа. – Они приходят и уходят... Во всяком случае, я сохранил ваших отцов для потомства, написав о них.

Снифф фыркнул.

– Юксаре тоже терпеть не мог сторожей в парке, – задумчиво произнес Снусмумрик. – Одно это...

Они лежали на траве, вытянув лапы и подставив солнцу свои мордочки. Вокруг было чудесно, и всех клонило ко сну.

– Папа, – сказал Муми-троль. – Неужели в то время так неестественно разговаривали? «Представьте себе наше удивление», «К вящему удовольствию» и все такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121838&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Легкий огнестойкий материал.

2

Если вы теперь всерьез приступите к чтению моих мемуаров, я предложил бы, чтобы вы снова все начали с самого начала.

3

То же, что и Долина муми-троллей.

4

Маленький зверек, который шныряет, то есть необыкновенно торопливо и легкомысленно снует туда-сюда, опрокидывая и теряя по пути все, что можно. – Примеч. авт.

5

Ящик со стеклянной крышкой для компаса, стоящий на палубе корабля.

6

Металлический барометр, измеряющий атмосферное давление.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/tuve-yansson/memuary-papy-mumi-trollya-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)